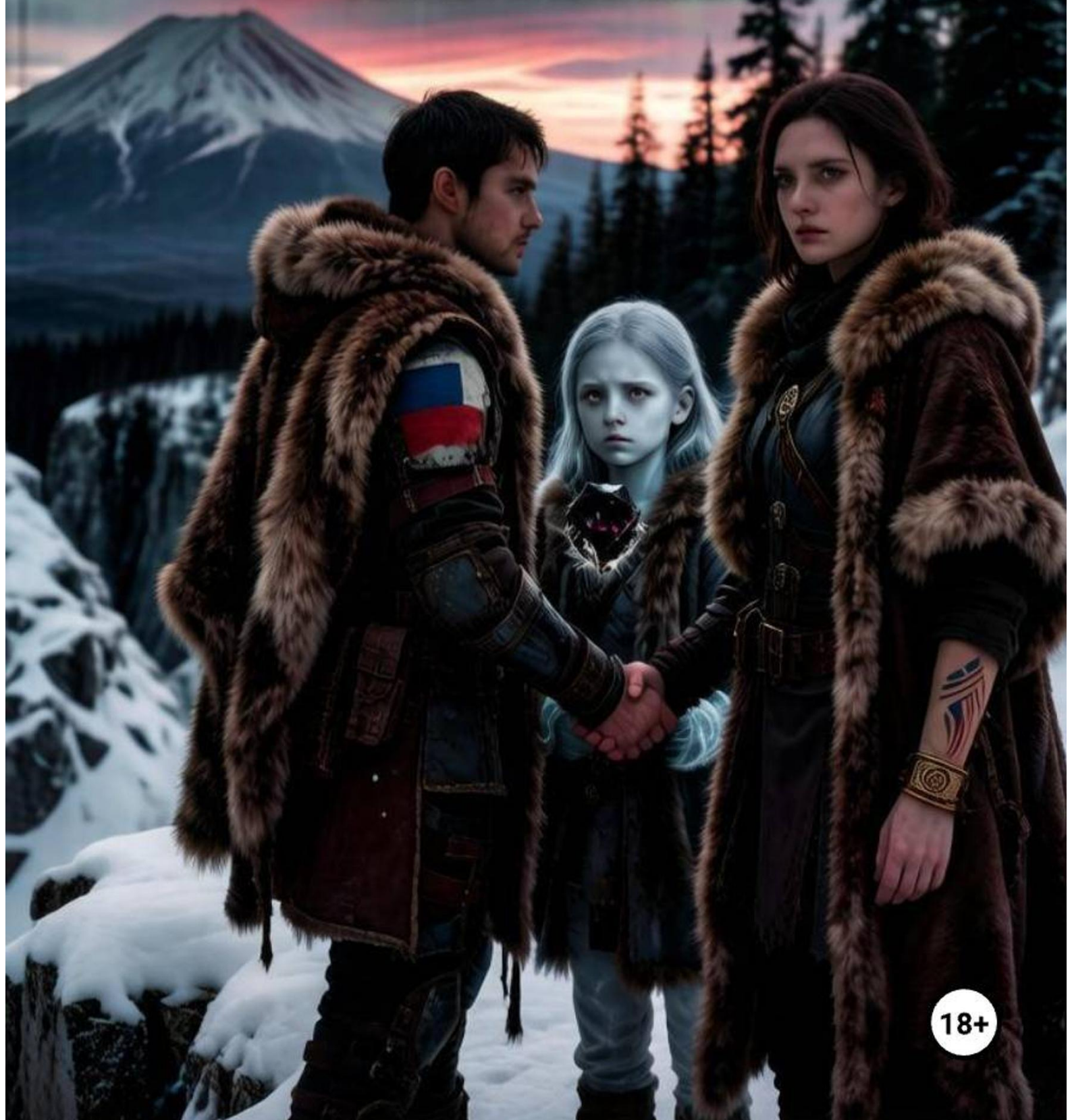

ИСКРА В ПУСТОТЕ

ИРИНА ВАСИЛЬЕВА

18+

Ирина Васильева
Искра в Пустоте

«Автор»

2026

Васильева И.

Искра в Пустоте / И. Васильева — «Автор», 2026

Пять лет хрупкого мира. Пять лет тишины, которую Антон и Лера оберегали как величайшую драгоценность, воспитывая дочь Милу — живое чудо, рожденное на стыке огня и пустоты. Но эхо древней войны никогда не затихает навсегда. Когда нестабильная сила Милы выходит из-под контроля, а из теней прошлого возвращается Проект «Аврора», жаждущий использовать девочку как ключ к абсолютной власти, семья вынуждена бежать на край света — в суровые земли Севера. Там, среди вечной мерзлоты и древних дольменов, Антона ждет страшная правда: жертва их вожака Ильи не была окончательной. Запертый в обсидиановой печати вместе со Старшим, он продолжает бесконечный бой, и его воля слабеет с каждым днем. Объединив разрозненные кланы оборотней Севера, Антон собирает войско для Последней Охоты. Но чтобы закрыть портал Бездны навсегда, требуется жертва колоссальной мощности. В отчаянной попытке спасти дочь от поглощения тьмой и освободить Илью, герои пробуждают древний артефакт — Слезу Йотуна.

© Васильева И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Песнь подо льдом.	5
Глава 2. Урок на выжженной земле.	8
Глава 3. Следы на снегу.	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Ирина Васильева

Искра в Пустоте

Глава 1. Песнь подо льдом.

Осень в этом году выдалась обманчивой. Днем солнце еще припекало так, что воздух пах нагретой смолой и сухими листьями, но стоило солнцу коснуться верхушек старых сосен, как на тайгу обрушивался пронизывающий холод. Вода в озере у кромки льда схватывалась тонкой, хрупкой корочкой, которая трескалась от малейшего движения ветра.

Антон стоял на опушке леса, глубоко засунув руки в карманы потертой охотничьей куртки. Он не шевелился уже минут десять, превратившись в живую статую. Его тренированный слух ловил звуки, недоступные обычному человеку: далекий стук дятла за километр отсюда, шорох мыши в траве под корнями и... тихое, мелодичное пение.

Это была детская песенка без слов, похожая на перезвон серебряных колокольчиков. Она доносилась со стороны озера — именно оттуда, где лед был самым тонким.

— Мила! — крикнул он, срывая голос. Звук получился хриплым, надломленным. — Немедленно иди сюда!

Пение оборвалось. На несколько секунд воцарилась тишина, нарушаемая лишь шелестом листвы. Затем из-за поваленной березы, служившей мостиком к открытой воде, показалась макушка с растрепанной темной косичкой.

Миле было семь лет. Для Антона она оставалась той самой крошечной девочкой, которую они с Лерой принесли в этот дом пять лет назад, хотя физически ребенок развивался стремительно. Её кожа, даже обветренная осенним ветром, казалась фарфоровой, а глаза... Глаза были отцовскими. Ярко-желтые, с вертикальными зрачками, которые сейчас смотрели на него с искренним недоумением.

— Папа? Ты чего кричишь? Я пою белочкам, — заявила она, выбираясь на берег. В руках у неё ничего не было — ни орехов, ни ягод. Белок поблизости тоже не наблюдалось.

— Ты стояла на льду, — выдохнул Антон, чувствуя, как бешено колотится сердце. Страх медленно отпускал, сменяясь глухим раздражением. — Прямо над омутом. Если бы ты провалилась...

— Но я же чувствую их, — перебила девочка, подходя ближе. От её босых ног на земле оставались едва заметные следы. — Там, внизу, спят большие рыбы. Они старые и мудрые. Им нравится моя песня.

Она говорила это абсолютно серьезно, глядя ему прямо в душу своими нечеловеческими глазами. В ней не было ни капли раскаяния или страха перед наказанием. Только чистое, незамутненное любопытство мира, который она воспринимала иначе, чем обычные люди.

Антон присел на корточки, чтобы быть с ней на одном уровне. Запах дочери ударил в ноздри — смесь молока, диких трав и того самого металлического холода, который всегда сопровождал проявления её дара.

— Мила, послушай меня внимательно, — начал он, стараясь говорить ровно, хотя внутри всё кипело. — Чувствовать — это хорошо. Это твой дар. Но лёд — это граница. Граница между теплом и смертью. Ты должна уважать границы.

Девочка склонила голову набок, совсем как волчонок.

— Почему? Ведь смерть — это просто другая форма жизни. Как сон. Старшие говорят, там тихо и спокойно.

У Антона похолодело внутри. *Старшие*. Так Мила называла сущности, запертые в обсидиановом кубе на дне карьера. Пустота. Эхо Бездны. То, что осталось от Старшего и Ильи после финальной битвы.

— Кто тебе это сказал? — его голос стал жестче, в нем прорезались рычащие нотки зверя.

— Никто. Я слышу. Куб иногда поёт. Тихонько. Когда ветер дует с севера.

Ветер действительно изменился. Холодный северный сквозняк принес с собой запах озона и гнили — тот самый стерильный аромат пустоты, который преследовал Антона в кошмарах все эти годы. Он встал, хватая дочь за руку. Ладонка Милы была теплой, почти горячей.

— Идем домой. Сейчас же. И больше никогда, слышишь, НИКОГДА не ходи к озеру одна.

Всю дорогу обратно через лес Мила молчала, обиженно сопя. Антон чувствовал её эмоции как свои собственные — легкий укол вины смешивался с детской досадой на то, что веселье прервали. Их ментальная связь, установленная еще в младенчестве, работала безупречно, но сейчас она приносила больше головной боли, чем пользы. Эмпатия Милы была абсолютной, неконтролируемой. Она не просто читала чувства живых существ — она ощущала эхо смерти камней, боль умирающих деревьев и голодную песню печали.

Дом встретил их запахом дыма и тушеного мяса. Дым поднимался из трубы ровным столбом — верный признак того, что печь топят Лера. Внутри было тепло и уютно, пахло сушеными травами, развешанными под потолком, и свежеевыпеченным хлебом.

Лера стояла у разделочного стола, нарезаая овощи широким ножом. Услышав скрип двери, она обернулась. Увидев выражение лица мужа и босые ноги дочери, она замерла с занесенным ножом.

— Опять?

— Озеро, — коротко бросил Антон, стаскивая с Милы легкое платье и принимаясь растирать её замерзшие ступни. Девочка недовольно морщилась, но терпела. — Тонкий лед. Над глубокой промоиной.

Лера отложила нож и подошла к ним. Она опустилась на колени рядом с мужем, заглядывая дочке в глаза. Её эмпатический скан был быстрым и точным, словно рентгеновский луч.

— Ты опять слушала их песни? — мягко спросила мать.

— Да, мам, — вздохнула Мила. — Они скучают. Говорят, им тесно.

— Это не те друзья, с которыми стоит разговаривать, родная, — Лера погладила её по голове, заправляя выбившуюся прядь за ухо. — Эти песни могут заманить тебя туда, откуда нет возврата.

— Как дядю Димку? — тихо спросила девочка.

Имя упало в тишину комнаты тяжелым камнем. Антон почувствовал, как горло перехватывает спазм. Прошло пять лет, но боль потери не притупилась, она просто спряталась глубоко внутри, превратившись в вечный ледяной ком.

— Да, милая. Как Димку, — кивнула Лера, бросив быстрый взгляд на Антона. В её глазах плескалась та же усталость и тревога.

Они уложили дочь спать рано. Мила уснула мгновенно, свернувшись калачиком под тяжелой волчьей шкурой, служившей ей одеялом. Стоило ей закрыть глаза, как дом погрузился в звенящую тишину. Связь, которая связывала их троих днем, ослабла, давая взрослым краткую передышку.

Антон вышел на крыльцо, прихватив с собой кружку горячего отвара из лесных ягод. Ночь была ясной, звездной. Созвездие Большой Медведицы висело прямо над крышей дома, указывая ручкой ковша на север — туда, где за десятки километров отсюда пульсировала черная печать.

Он сделал глоток, чувствуя, как тепло разливается по телу. За спиной скрипнули доски пола. Лера вышла следом, кутаясь в большой шерстяной платок. Она встала рядом, плечом к

плечу, и положила голову ему на плечо. Этот простой жест близости говорил больше любых слов.

— Сегодня полнолуние, — нарушила она молчание спустя минуту. — Печать вибрировала весь день. Я чувствую резонанс через землю.

— Знаю, — кивнул Антон. — Северный ветер приносит эхо. Оно становится громче.

— Что будем делать с ней? — голос Леры дрогнул. — Она слишком сильна для своего возраста. И совершенно не понимает опасности. Если мы не научим её контролю...

— ...то она либо убьет себя случайно, либо станет оружием в чужих руках, — закончил за неё Артём мрачно. — Или хуже того — она откроет дверь изнутри. Из чистого любопытства.

Они оба посмотрели на окно спальни, где мирно спал их ребенок. Источник невероятной силы и потенциальная угроза всему миру.

— Завтра начнем тренировки, — твердо сказал Антон, сжимая кулак так, что костяшки побелели. — Не такие, как раньше. Нам нужно успеть до того, как он научится контролировать это осознанно.

Лера вздрогнула, её взгляд метнулся от лица мужа к темному стеклу, за которым в лунном свете угадывался силуэт детской кроватки. В глазах женщины смешались материнская нежность и первобытный страх.

— Ты хочешь... сломать его? — голос Леры дрогнул, превратившись в едва слышный шепот. Она обхватила себя руками, словно пытаясь защититься от собственных слов.

Антон резко повернулся к ней. Его лицо, обычно мягкое и добродушное, сейчас напоминало высеченный из камня барельеф: жесткие линии скул, плотно сжатые губы.

— Я хочу спасти его! — отрезал он, но тут же понизил тон, бросив быстрый взгляд на дверь комнаты. — Если мы не научим его управлять этим даром, если не построим стену между ним и внешним миром... придут другие. Они почувствуют всплеск энергии. И они не будут спрашивать разрешения. Они заберут его или убьют, чтобы забрать силу.

Он подошел к жене вплотную и взял её холодные ладони в свои горячие руки.

— Мы должны стать для него щитом. Но щит бесполезен, если меч слишком тяжел для руки воина. Тренировки сделают его сильным, но главное — они научат его скрываться. Контролю. Дисциплине.

Лера подняла на него глаза, полные слез, которые блестели в темноте.

— А если он возненавидит нас за это? За то, что мы забрали у него детство?

Антон молчал долго. Он смотрел на жену, а видел будущее — туманное, полное опасностей, где их дочь стоит одна против целого мира. Затем он притянул Леру к себе, зарываясь лицом в её волосы.

— Пусть лучше ненавидит нас живым, чем любит мертвым, — глухо проговорил он ей в макушку. — Это единственный путь.

За окном ветер шевельнул ветки старой яблони, отбрасывая причудливую тень на шторы. Внутри дома трое людей стояли на пороге новой жизни, которая уже никогда не будет прежней.

Глава 2. Урок на выжженной земле.

Тренировочная площадка находилась в глубине леса, в ложбине между двумя холмами, куда никогда не заглядывало солнце. Антон выбрал это место специально: земля здесь была мертвой — спекшаяся глина, покрытая слоем серого пепла от давнего пожара. Здесь ничто не росло, не пели птицы, и даже запахи были стерильными. Идеальный полигон для работы с огнем.

Мила стояла в центре круга, одетая лишь в легкие штаны и простую рубашу. Холодный октябрьский ветер трепал её темные волосы, но девочка, казалось, его не замечала. Её босые ноги утопали в пыли, а желтые глаза с вертикальными зрачками внимательно следили за отцом.

— Готова? — голос Антона звучал спокойно, почти буднично, хотя внутри у него всё сжималось от напряжения.

Девочка кивнула, закусив губу в предвкушении. Для неё это было игрой. Красивым представлением. Она ещё не понимала разницы между красивым фейерверком и испепеляющим потоком плазмы.

Антон отошёл на десять шагов назад, встав рядом с Лерой. Жена молчала, скрестив руки на груди, но эмпатический фон вокруг неё был плотным, как стена. Она готовилась принять возможный удар на себя или, если понадобится, успокоить разбушевавшуюся стихию силой своего разума.

— Помнишь правило? — спросил Антон, глядя дочери прямо в глаза. — Ты должна создать шар. Маленький. Размером с яблоко. И держать его ровно над ладонью. Не дай ему коснуться кожи.

— Я помню, пап, — протянула Мила тоном, который говорил об обратном. Ей хотелось чего-то масштабного. Чего-то громкого.

— Начали, — скомандовал Антон и тут же активировал частичный оборот.

Его правая рука трансформировалась мгновенно. Кожа побелела, натягиваясь на костях, ногти вытянулись, превращаясь в пять острых когтей. Трансформация всегда вызывала легкую тянущую боль в суставах, но сейчас она служила якорем, помогающим сосредоточиться. Он направил энергию трансформации в правую ладонь, создавая точку фокуса.

Вокруг кисти Милы воздух начал дрожать от жара. Это происходило беззвучно, что пугало больше всего. Ни треска пламени, ни рева огня — просто марево раскаленного воздуха, искажающее реальность. Через секунду над маленькой ладошкой девочки вспыхнул ослепительно-белый шар чистого пирокинеза.

Это было красиво. Смертельно красиво. Шар пульсировал, словно маленькое сердце из звездной материи, отбрасывая резкие тени на лицо ребенка.

— Держи, — приказал Антон. — Ровнее. Представь, что это мыльный пузырь. Хрупкий.

Шар продержался три секунды. На четвертой пульсация стала неровной. Огненная сфера начала расти, увеличиваясь в размерах вдвое, втрое. Жар стал ощутимым даже на расстоянии десяти шагов. Антон почувствовал, как по спине катится пот, несмотря на холод.

— Контроль! — рявкнул он. — Стягивай очаг! Сжимай!

Лера шагнула вперед, готовясь вмешаться, но Мила справилась сама. Девочка нахмурила брови, концентрируясь. Пульсация замедлилась, шар перестал расти и вернулся к размеру теннисного мяча. Но контроль стоил дорого. Лицо Милы покраснело, на лбу выступила испарина.

— Молодец, — похвалил Антон, чувствуя огромное облегчение. — Теперь... медленно опусти руку и погаси его.

Именно в этот момент всё пошло наперекосяк.

Мила устала. Концентрация ослабла всего на долю секунды, но для нестабильной плазмы этого оказалось достаточно. Связь между сознанием и энергией оборвалась. Шар перестал быть управляемым объектом и превратился в дикую стихию.

Он не взорвался с оглушительным хлопком, как можно было ожидать. Вместо этого произошла тихая аннигиляция. Воздух схлопнулся внутрь шара со звуком лопнувшей струны бас-гитары. Вспышка белого света озарила ложбину, заставив Антона инстинктивно зажмуриться. Когда зрение вернулось, он увидел дымящуюся воронку глубиной по щиколотку там, где только что стоял его ребенок.

А самой Милы нигде не было видно.

Сердце ухнуло в пятки. Страх парализовал тело зверя быстрее, чем человеческий разум успел выкрикнуть имя дочери.

— МИЛА!

Ответ пришел слева. Точнее, звук удара о дерево и последовавший за ним детский плач. Антон сорвался с места раньше, чем осознал движение. Частичная трансформация охватила уже половину тела, мышцы ног взвыли от нагрузки, когда он перемахнул через поваленное бревно одним прыжком.

Она лежала у корней старой сосны, прижимая руку к плечу. Запах паленой ткани и горелого мяса ударил в ноздри так сильно, что Антона замутило. Рукав её рубахи дымился. Девочка смотрела на отца огромными, полными слез глазами.

— Папа... Больно...

Мир сузился до одной точки. Остальной лес, небо, холодный ветер — всё исчезло. Остались только обожжённая кожа и страх в глазах дочери. Антон упал перед ней на колени, грубо разрывая остатки ткани. Ожог выглядел ужасающе: кожа покраснела, местами пошли волдыри размером с монету. Дрожащими руками Антон прижал ладонь к ране.

— Терпи, родная, терпи, — шептал он, направляя всю доступную энергию исцеления в кончики пальцев. Его собственный внутренний жар смешивался с регенеративной способностью оборотня, пытаясь восстановить поврежденные ткани изнутри.

Рядом присела Лера. Она ничего не говорила, просто обхватила дочь здоровой рукой, делясь своим спокойствием и эмпатическим теплом, чтобы заглушить шок.

— Почему ты не погасила огонь? — голос Антона прозвучал глухо и обвиняюще, хотя он ненавидел себя за эти слова в ту же секунду, как они слетели с языка.

— Оно... оно перестало слушаться, — всхлипнула Мила. — Я звала его обратно, а оно улетело. Как птица.

«Как птицу» — эхом отозвалось в голове Антона. Именно так описывал свой первый неконтролируемый выброс Димка много лет назад. История повторялась, но теперь ставки были неизмеримо выше.

Лечение заняло около получаса. Когда последний ожог затянулся новой розовой кожей, Антон выдохнул и сел прямо на землю, привалившись спиной к дереву. Сил не осталось совсем. Пирокинез и целительство вычерпали резерв досуха.

— Тренировка окончена, — хрипло сказал он, закрывая глаза. — Навсегда.

— Нет, — твердый голос Леры заставил его открыть глаза. Жена смотрела на него сверху вниз, и во взгляде её читалась стальная решимость. — Если мы остановимся, она убьет кого-нибудь. Или себя. Или откроет куб просто потому, что ей станет скучно. Мы должны продолжать.

— Сегодня она чуть не сгорела заживо! — рыкнул Антон, поднимаясь на ноги. Звериная часть его природы требовала защитить детеныша любой ценой, спрятать его в самом глубоком логове и никого не подпускать близко.

— А завтра она может спалить деревню в двадцати километрах отсюда, если чихнет во сне! — парировала Лера. В её голосе зазвенели истерические нотки. — Ты видел мощь

вспышки? Там, в воронке, температура была выше тысячи градусов! Нам повезло, что она жива. Повезло, что ты успел вылечить ожог. Но везение — плохая стратегия выживания!

Они стояли друг напротив друга, тяжело дыша. Мила переводила взгляд с матери на отца, забыв про боль в руке. Атмосфера накалилась до предела, грозя перерасти в семейный скандал.

— Нужен другой подход, — наконец произнес Антон, остывая. Ярость уступала место холодной, расчетливой усталости. — То, чему учились мы — контроль через боль и волю — для неё не работает. У неё нет страха. Она не понимает цену ошибки.

— Тогда научим её понимать, — отрезала Лера. — Есть один способ. Очень старый.

Она посмотрела на мужа долгим, тяжелым взглядом. Антон понял её без слов. Этот метод обсуждался ими лишь однажды, в самые темные ночи после битвы, когда сон не шел. Метод, которому их не мог научить Хранитель Корней, потому что сам боялся пустоты.

— Ритуал Кровавых Уз, — прошептал Антон. — Ты предлагаешь связать нас троих еще крепче. Сделать её частью Поля Равновесия напрямую.

— Да. Чтобы она могла черпать нашу силу, когда её собственная выходит из-под контроля. Чтобы чувствовать наш страх за неё как свой собственный.

Это было опасно. Невероятно опасно. Полное слияние разумов могло стереть личность Милы, растворить её детскую психику в бурлящем котле двух взрослых хищников. Они могли случайно сломать её, превратив в пустой сосуд для общей энергии.

Но альтернатива была хуже.

— Хорошо, — кивнул Антон. — Сделаем это сегодня ночью. Пока печать вибрирует, грань миров тонка. Энергии будет достаточно.

Ритуал проводили в дольмене. Древний камень святилища служил идеальным резонатором, усиливая ментальные потоки и защищая от внешних помех. Внутри было темно и сухо, пахло пылью веков и сухой полынью, которую Лера бросила в очаг для очищения.

Мила сидела в центре каменного круга, скрестив ноги. Она больше не плакала, но выглядела непривычно серьезной. Ребенок понимал, что происходит нечто важное.

Антон и Лера заняли позиции позади неё, положив ладони ей на плечи.

— Будет больно? — тихо спросила девочка.

— Только если ты будешь сопротивляться, — ответил Антон, стараясь придать голосу уверенность, которой сам не чувствовал. — Тебе нужно расслабиться. Просто впусти нас.

Связь установилась не сразу. В прошлый раз, когда они объединялись ради битвы, это было похоже на столкновение двух стихий — взрыв, вспышка, хаос. Сейчас им требовалась ювелирная точность. Тонкая настройка.

Сначала пришло ощущение тепла Леры — мягкое, материнское облако заботы. Затем — тяжелая, давящая сила Антона, похожая на гранитную плиту. Два разных потока столкнулись над головой Милы, пытаясь найти общую частоту.

Девочка дернулась. Для её неокрепшего сознания контакт с двумя мощными альфа-разумами был подобен удару током.

«Тише, маленькая», — мысленный шёпот Леры окутал сознание ребенка успокаивающим коконом. «Мы здесь. Мы держим тебя».

«Не бойся темноты», — добавил Антон более грубым, низким тоном. «Смотри вглубь. Найди тишину».

Процесс синхронизации занял мучительные полчаса. Они буквально строили мост через пропасть своих сущностей, используя сознание Милы как центральный пролет. Каждое воспоминание, каждый страх, каждая надежда пропускались через фильтры и калибровались. Антон чувствовал, как его первобытная ярость проходит сквозь призму детской чистоты и возвращается к нему очищенной. Лера ощущала, как её эмпатия расширяется до космических масштабов, включая в себя не только живых, но и саму структуру реальности.

Когда процесс завершился, Мила судорожно вздохнула и открыла глаза. Зрачки расширились настолько, что радужка почти исчезла.

— Я вижу вас, — прошептала она. — Вижу ваши мысли... Мама, почему тебе грустно вспоминать Катю? А папа... папа чувствует вину за то, что не спас дядю Илью?

Лера вздрогнула и попыталась разорвать контакт, но Антон удержал её.

— Нет, стойте, — прохрипел он. Глаза жоака светились янтарным огнем. — Посмотрите.

Перед их внутренним взором предстала картина. Куб. Обсидиановый монолит, запирающий портал. Но теперь они видели его иначе. Видели не внешнюю гладкую поверхность, а внутреннюю суть. Внутри камня бушевал шторм. Две сущности сплелись в смертельной схватке.

Илья. Их Альфа. Он был там, внутри этой тюрьмы вместе со Старшим. Он не погиб окончательно тогда, пять лет назад. Взрыв аннигиляции забросил его душу в ловушку, созданную его собственной волей. Он продолжал сражаться. Каждый день, каждую секунду своей вечности он сдерживал голод Старого Бога, не давая тому вырваться наружу.

Поток эмоций обрушился на них. Боль бесконечной трансформации, которая не прекращается ни на миг. Горечь потери стаи. И нестигаемая, стальная воля защитника.

«Живите...» — мысль Ильи прорвалась сквозь шум ментального эфира слабым, но ясным сигналом. *«Защитайте мой дом... Закройте дверь навсегда...»*

Контакт прервался резко, болезненно. Мила упала на бок, потеряв сознание от перегрузки. Лера разрыдалась, уткнувшись лицом в плечо мужа.

— Он жив, — выдохнул Антон, чувствуя, как по щеке скатывается непрошенная слеза. — Илья жив. Он там, в тюрьме. Всё это время он держал печать изнутри.

Они уложили дочь спать в доме, укрыв теплым одеялом. Сон Милы был глубоким и ровным — организм восстанавливал силы после колоссального ментального стресса.

Выйдя на крыльцо, Антон и Лера долго смотрели на север. Звезды сегодня казались особенно яркими и колючими.

— Что будем делать? — тихо спросила Лера, прижимаясь к мужу.

— Ничего, — жестко ответил Антон, глядя в темноту. — Мы не можем туда пойти. Если мы попытаемся вытащить его, печать рухнет. Илья знает это. Поэтому он и молчит. Он принес последнюю жертву.

Небо на севере вдруг окрасилось едва заметным фиолетовым свечением. Печать вибрировала, отзываясь на зов полнолуния.

— Завтра продолжим тренировки, — твердо сказал Антон, обнимая жену. — Научим её быть ядом для пустоты. Такой же, каким стали мы.

Где-то далеко, под толщей земли и черного стекла, два вечных врага продолжали свой танец смерти. Альфа против Голода. Жизнь против Небытия. И песня пустоты становилась всё громче, ища трещину, через которую можно просочиться в мир живых.

Глава 3. Следы на снегу.

Зима пришла внезапно, как удар хлыста. Ещё вчера лес стоял в золоте и багрянце, а сегодня утром мир утонул в белой пелене. Первый снег выпал обильный, мокрый, мгновенно скрыв под собой все тропинки и превращая тайгу в бескрайнее белое полотно без единого шва.

Для Антона это было плохой новостью. Снег — идеальный холст для любого охотника, но сейчас он чувствовал себя не хищником, а дичью. Свежий покров стирал привычные запахи леса, забивая рецепторы сырой свежестью, но при этом идеально сохранял следы тех, кто проходил здесь до него. А чужих следов вокруг их дома быть не должно.

Он стоял у окна, сжимая в руке кружку с давно остывшим травяным чаем. Лера возилась у печи, тихо напевая колыбельную Миле, которая притворялась спящей, чтобы подольше послушать сказку. Домашняя идиллия казалась нереальной, хрупкой, словно ледяной узор на стекле, готовый треснуть от малейшего прикосновения реальности.

— Что-то случилось? — голос Леры вывел его из оцепенения. Она подошла неслышно, положила руку ему на плечо. Её эмпатия уловила всплеск тревоги раньше, чем он сам осознал причину.

— Тишина, — глухо ответил Антон, ставя кружку на подоконник. — Лес молчит.

Это была самая страшная тишина, которую может слышать оборотень. Не отсутствие звуков, а стерильность. Ни треска веток под лапами мышей-полевок, ни далекого карканья ворона, ни даже шелеста ветра в верхушках сосен. Звуковой вакуум. Так бывает только тогда, когда зверье в панике разбегается, спасаясь от более крупного и опасного хищника. Или когда этот хищник движется настолько профессионально, что умеет глушить звуки своего присутствия.

Антон резко развернулся к жене:

— Собирай вещи. Минимум. Теплое, оружие, кристалл Милы. У нас есть десять минут.

Лера побледнела, но спорить не стала. Она метнулась в спальню, откуда тут же послышался её строгий, но спокойный голос, будящий дочь. Антон тем временем проверил свой арсенал. Копья Ильи больше не было, оно испарилось вместе с жоаком, поэтому приходилось обходиться самодельным оружием: тяжелый охотничий нож за голенищем сапога, топорик на поясе и старый карабин «Сайга», который они держали скорее для охоты на лосей, чем для самообороны. Против людей или теней огнестрельное оружие помогало слабо.

Они успели выйти во двор, когда Мила остановилась как вкопанная. Девочка подняла лицо к небу, закрыв глаза, и глубоко вдохнула морозный воздух.

— Папа... там люди. Много. Идут цепочкой. С железом.

Эмпатический дар дочери работал иначе, чем у матери. Если Лера чувствовала эмоции живых существ, то Мила воспринимала саму структуру материи и намерений. «Железо» могло означать только одно: оружие.

— Сколько? — быстро спросил Антон.

— Десять... нет, двенадцать. Они боятся. Очень сильно. Но идут вперед. Их ведет другой человек. Он... он пахнет пустотой. Как куб, только слабее.

«Контролер», — понял Антон. Кто-то, кто либо заключил сделку с Легионом, либо научился использовать эхо Бездны для ментального подчинения. Это объясняло страх солдат: они шли против своей воли, понимая, что идут на смерть.

— В дом! Быстро! — рявкнул он, толкая женщин обратно к крыльцу. — Задвигайте засов!

Но было поздно.

Из-за угла сарая бесшумно выступила фигура. Человек был одет в белый маскхалат, делавший его почти невидимым на фоне снега. На плече висел автомат с оптическим прицелом. Ствол смотрел точно в грудь Антону.

— Стоять! Руки так, чтоб я видел! — голос звучал глухо из-под балаклавы.

Следом за ним из укрытий начали появляться остальные. Они окружили поляну плотным кольцом, отрезая пути к отступлению. Солдаты действовали слаженно, профессионально, занимая позиции прикрытия. Антон насчитал одиннадцать бойцов. Двенадцатым оказался тот самый «ведущий».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.